

ГЛАВА 1

СУЛАВЕСИ: АНТРОПОЛОГ ЗА РАБОТОЙ

Однажды во время серии психологических исследований, которые я проводил среди мусульманских боевиков на индонезийском острове Сулавеси, изучая границы рационального выбора, я заметил, как на глаза моего попутчика и телохранителя Фархина навернулись слезы. Он только что узнал о смерти парня, погибшего в стычке с военными-христианами, и казалось, что после нашего эксперимента смерть юноши впечатлила его особенно сильно.

«Фархин, — спросил я, — ты знал парня?»

«Нет, — ответил он, — но он был в джихаде всего несколько недель, а я воюю с Афганистана [конец 1980-х] и все еще не стал мучеником».

Я постарался его утешить:

«Но ты же любишь свою жену и детей?».

«Да, — печально кивнул он, — Аллах дал мне этот путь, и я должен в него верить».

«Какой путь, Фархин?»

«Путь моджахеда — святого воина».

Фархин — один из тех, кто называет себя «выпускниками Афганистана», сражавшимися против коммунистов в Афганистане в 1980-х годах. Будущий основатель «Джемаа Исламия» (JI), Абдулла Сунгкар, привел его в лагерь «Абу Сайяф» недалеко от Хайберского прохода (на границе Афга-

нистана и Пакистана. — *Прим. ред.*) и познакомил с другими индонезийскими добровольцами. Там же он изучал «Основы джихада» (*bigh al-jihad*) с палестинским ученым Абдуллахом Аззамом, наставником Усамы бен Ладена и основоположником понятия *аль-каида аль-сульбах* («сильное основание», революционный мусульманский авангард). Позже Фархин принимал у себя в Джакарте будущего вдохновителя 11 сентября Халида Шейх Мохаммеда, а в 2000 году Фархин помог взорвать резиденцию филиппинского посла. Хотя эта операция была лишь чем-то вроде генерального прогона перед взрывом на Бали в октябре 2002 года, унесшим жизни более двухсот человек и ставшим самым смертоносным среди единичных террористических атак против Запада после 11 сентября, Фархин не стал искать террористов-смертников для Бали и занялся подготовкой воинов для борьбы с христианами в тренировочном лагере на Сулавеси.

Фархин участвовал в моих психологических исследованиях, в ходе которых я изучал, на что готовы пойти люди ради серьезной цели. Основная мысль заключалась в том, что если люди воспринимают что-то как священное, пусть это просто обломки стены или слова на языке, который они даже не понимают, тогда стандартные экономические и политические способы определения поведения с точки зрения плюсов и минусов работать не будут. Фархин реагировал «иррационально», как и большинство других участников моего исследования, без оглядки на материальную выгоду или пользу.

«Считается ли человек более заслуженным мучеником, если он убивает одного, а не десять врагов, или десять, а не сто?» — спросил я его.

«Если его цель — заслужить любовь Аллаха, количество не имеет значения, даже если он не убьет никого, кроме себя».

«А что, если какой-нибудь богатый родственник предложит немалые деньги, чтобы ты отказался или хотя бы отложил смерть за веру?»

«Это что — шутка? Я брошу деньги ему в лицо».

«Почему?»

«Потому что только в борьбе за великую цель и в смерти за веру состоит благородство жизни».

В 2004 году в предисловии к своей книге «Мечты моего отца» Барак Обама говорил о том, что после 11 сентября история вновь испытывает нас раздробленностью мира и что мы должны открыто признать проблему терроризма. Только вот он и не надеется понять «стойкий нигилизм» террористов. «Сила моего сочувствия, — сожалеет он, — моя способность затронуть душу другого человека не в состоянии проникнуть сквозь пустые взгляды тех, кто готов убивать невинных с отстраненным благостным удовлетворением»¹. На самом деле глаза террористов, которых узнал я, не пусты. Их взгляд жесткий, но наполненный. Удовлетворение, которое они получают, кроется не в благостном предвкушении встречи с девами на небесах. Оно горячо, как плоть и кровь. Террористы — не нигилисты, явные или скрытые, часто это глубоко моральные люди с чудовищным сдвигом чувства справедливости. Простое сочувствие им не чуждо, ведь это в большинстве своем обычные люди. И хотя я далек от мысли, что одно только сочувствие когда-нибудь отвратит их от насилия, оно может помочь нам понять то, что мы понять способны.

Я — антрополог, изучающий, что значит быть человеком, — ведь именно это и изучают антропологи; я проникаюсь чувствами других людей, сопереживаю (не всегда симпатизируя), а затем анализирую внушающее трепет поведение, чуждое нашей культуре. Терроризм настолько не дает мне покоя, что я решил оставить исследовательскую работу в тропических лесах индейцев майя, я хотел понять и выразить словами, откуда у людей берется желание убивать и умирать за других.

ПОСО, СУЛАВЕСИ, 9–10 АВГУСТА 2005 ГОДА

Сулавеси — отдаленный остров Индонезийского архипелага, расположенный между Борнео и Новой Гвинеей. Прежнее португальское название острова — Целебес — вдохновило антрополога (которым я однажды захотел стать) на поиск ответа на вопрос: каково это — быть совершенно другим человеком. Сорок лет назад все мои знания и догадки об этой отдаленной части света базировались на колониальной классике «Языческие племена Борнео», написанной Чарльзом Хоузом и Уильямом Макдугаллом в 1912 году². Компанию этой книге на полке составляла еще одна любимая мной работа Т.Л. Пеннелла «Среди диких племен афганских границ»³, написанная тремя годами ранее. Хоуз и Макдугалл находили в образе жизни некоторых племен Борнео и Целебеса отголоски мира охотников-собирателей эпохи зарождения истории человечества. «Основными чертами этой примитивной культуры, — писали они, — является отсутствие домов или любых других постоянных жилищ, незнание принципов земледелия, обработки металлов, изготовления лодок и ведение того кочевого охотниччьего образа жизни, при котором основным орудием были духовые трубки». Некоторые племена охотились на представителей других племен.

Летом 2005 года я наконец-то добрался до Целебеса. Остров очень изменился, и образ жизни его жителей был уже далек от того не обученного грамоте общества, описанного почти веком ранее, но некоторые отголоски тех далевых времен еще остались. Для жилья использовались легко собираемые дома, покрытые тростником. Земледелие процветало, включая выращивание гвоздики для индонезийских кретеков (сигареты, в которых 1/3 часть составляет гвоздика. — *Прим. ред.*) и какао-бобов, как это было в случае с индейцами майя и испанскими завоевателями. Моторные лодки, нагруженные всевозможными товарами, шумно лавировали по заливу Томили. Народ щеголял в пластиковой и кожаной обуви китайско-

го производства, запястья людей украшали японские часы, а кушам они прижимали финские мобильники. Некоторые мужчины носили американские бейсболки, а на женщинах можно было увидеть хиджабы — арабские головные платки. В ночное время улицы заполнялись тенями, каждая из которых напоминала греческого бога Пана, — полулюди, полумашины на фоне мигающих огней бесконечной вереницы мотоциклов.

Все это напоминало другие пограничные зоны между современным и досовременным мирами, где историческое время чудовищно сжато: вдоль Амазонки или Конго, где в поселках из шатких домишек живут люди, обслуживающие «экзотические» туристические курорты, которые стали большой частью крупнейшего мирового бизнеса, или вдоль Рио-Гранде, протекающей по американо-мексиканской границе. В таких местах современная цивилизация вряд ли возникла путем развития. Скорее всего, она просто «случилась», без той обязательной паутины переплетений человеческих взаимоотношений, идей и артефактов, которые делают культурную жизнь комфорtabельной, зрелой и приятной. Вечно новые, вечно в упадке, как однажды сказал о печальных урбанистических тропиках Нового мира Клод Леви-Стросс, который как-то признался мне, что всегда мечтал стать музыкантом, но из-за отсутствия таланта стал антропологом⁴. В этих местах никогда не будет ступеней, истертых ногами нескольких поколений паломников.

В нашем мире торговых моллов экзотические культуры воспринимаются либо очаровательными и чувственными (как Таити), либо декоративными и «пригодными для использования» (как индейцы пуэбло Юго-Западной Америки). Но легкая эйфория Запада от встречи с Иным была мимолетной для тех, кто задержался надолго. Боги этих «иных» культур — лишь клише даже для потомков, чьи предки поклонялись богам, смесь экзистенциального страха и наивной болтовни о гармонии единения с природой и другими. Истинные боги, боги страсти и войны, природных катаклизмов и хаоса, бдящих и

почитающих божественные циклы — лишь прах или музейные мумии. Теперь, поскольку долгая и легкая гегемония Запада над остальным миром подходит к концу, недавний декадент и экзотика отпущены как сироты на все четыре стороны. Вряд ли кого-то волнуют вопросы занятости и интеграции представителей иных культур, их не стремятся понять или хотя бы осведомиться, не исчезли ли они с лица земли.

Я прибыл в Песо, небольшой город в центре Сулавеси, где на квадратный метр приходится столько ярых исламистских групп, как, наверное, нигде во всем остальном мире. Духовых охотничьих трубок я не увидел, но зато увидел педанг, похожий на мачете нож, который носили на поясе, и автоматы Каляшникова через плечо или за спиной у большого количества молодых людей. Некоторые группы все так же охотились на других, теперь убивая из-за веры, а не ради мяса. Различные группировки в этом маленьком чудовищном земном раю часто говорили о себе: мы «ласкар». «Ласкар» происходит от арабского «армия» (только приехав в пакистанский Азад-Кашмир, я встретил сравнимое количество лашкар, как они назывались там). Незадолго до моего прибытия от взрывов на рынке в соседнем христианском городке Тентена погибли двадцать два человека. Вскоре после моего отъезда три христианские девочки были обезглавлены по дороге в школу и прозвучали новые взрывы. Следователь прислал мне фотографии обезглавленных тел в школьной форме. Я подумал о своих дочках, и меня стало мутить от такой адской ненасытности. Не желая отставать, христианские ополченцы избили и обезглавили пару мусульман. Это произошло после того, как индонезийское правительство казнило троих христианских ополченцев, включая одного священнослужителя, за предводительство толпой, вырезавшей более двухсот мусульман, которые укрывались в закрытой школе во время предыдущей вспышки религиозных столкновений, унесших жизни более тысячи человек обоих вероисповеданий.

Иногда мусульманские ласкары, как окровавленные акулы, обирались против своих.

В этом смысле Сулавеси с его тропическим умиротворением и красотой венериной муholовки (тропическое растение, листья которого являются ловушкой для небольших насекомых. — *Прим. пер.*) отнюдь не уникален. Современные балканские племена в Европе вели себя подобным же образом. И более крупные этносы еще совсем недавно проделывали то же самое в гораздо большем масштабе. Со времен верхнего палеолита, когда наши человекообразные предки начали объединяться в крупные группы, способные противостоять диким животным, люди превратились в своих самых страшных врагов. Именно крупная семья, или «племя», а не отдельные индивидуумы, все больше представляется мне ключом к пониманию невероятной жестокости массовых убийств и истребления невинных.

Я не рассматриваю «племя» с традиционной антропологической точки зрения, то есть как немногочисленную общность людей, объединенных в основном по территориальному принципу и состоянию родства, особенно это касается кланов и родов. Большинство мусульман в Центральном Сулавеси не подходят под такое узкое определение племени. Они недавние эмигранты из различных областей Явы, а некоторые христианские бойцы прибывают из Восточного Тимора. Существует более широкий смысл понятия племени, схожий со взглядом философа Джонатана Гловера, который он изложил в книге «Человечество»⁵ — будоражащее воображение хрониках злодеяний XX века. Это более широкое понятие определяет племя как группу взаимосвязанных сообществ, разделяющих общее культурное понятие о самих себе и искренне считающих себя частью одной большой семьи и дома.

В наши дни «воображаемое сообщество», как однажды определил понятие нации английский исследователь Бенедикт Андерсон⁶, простирается от городских районов до киберпространства.

Для примера, евреи и арабы до сих пор племенные народы как в узком, так и в широком смысле; каждый из них верит в генетическую связь и разделяет культурное наследие с другими представителями своего народа. И это несмотря на тот факт, что генеалогические связи, на которые ссылаются еврейские священники-коэны (включая потомков высших священников Хасмонеев), левиты и израильтяне или арабские племена аднаис (включая племя курейшитов, из которого происходит пророк Мухаммед) и кахтанис, — в большинстве своем лишь исторические фикции. В более широком смысле, нацистская Германия рассматривала себя в терминах племени, фатерландом, тем самым заставив Советский Союз отвлечься от мыслей о всеобщем братстве и вернуться к образу Родины-Матери, который — вместе со сталинским синклитом — в действительности мобилизовал племенные страсти на жертвы в Великой Отечественной войне. Соединенные Штаты, изначально не подверженные племенным сантиментам в силу разношерстности иммигрантских истоков, начали становиться все более «племенизированными» через расширяющееся по всему миру экономическое влияние и столкновение политических интересов. Американцы все больше опасаются иммигрантов и ассимилируют эти опасения со страхом терроризма, что формирует новое племенное понятие национальной безопасности. Сославшись на племя, людям уже не надо прислушиваться к аргументам, они готовы встать на защиту чести своей воображаемой семьи и дома против настоящих или придуманных врагов: от локальных войн между арабскими и еврейскими племенами вокруг Иерусалима до континентальных конфликтов во имя отчизны, будь то Америка, Россия или Китай.

Между этими разнообразными воображаемыми племенными интересами существуют важные исторические различия, к которым я вернусь позже. Но, несмотря на эти различия, политологи могут интерпретировать все подобные племенные призывы как способ «сокращения транзакционных издержек»⁷,

ведь тогда отпадает необходимость в уговорах и мобилизации людей. Призыв к джихаду в Пого является типично племенным, несмотря на то что большинство джихадистов, находящихся там, прибыли на зов из других мест.

В 1998 году мусульманский кандидат победил на выборах на пост местного губернатора, тем самым отразив тот факт, что мусульманское население превысило местное, обращенное в христианство в XIX веке миссионерами Нидерландской реформаторской церкви. (Мусульмане сейчас составляют 45 процентов населения района Пого, христиане насчитывают 42 процента, остальные жители — это индуисты и буддисты.) Существуют различные варианты истории о том, как зародилась волна насилия в те рождественские дни 1998 года, которые совпали с Рамаданом, священным месяцем поста у мусульман. Наиболее распространенная из них гласит, что во время ночной мусульманской молитвы подвыпившие христиане шумно веселились перед мечетью. Охранник попросил их уйти. На следующий день христиане подстерегли охранника на улице и избили его, издаваясь и говоря, что тот ест свинину на завтрак. В ответ разъяренные мусульмане атаковали магазины христиан, торгующие алкоголем, и совершили налет на старейшую в Пого церковь. Напряжение росло, и в апреле 2000 года христианские группы наводнили город, атаковав мусульманских жителей и магазины, забрасывая их камнями, факелами и палками. Месть рождает отмщение. Местные кузнецы начали импровизировать с самодельным оружием и пулями, и к концу года беженцы исчислялись десятками тысяч, а погибшие с обеих сторон — сотнями. Молва шла, постоять за своих братьев во имя джихада приезжали мусульмане даже из Испании. (Несмотря на периодические продолжительные затишья, в 2009 году Пого был самой активной зоной конфликта в Индонезии.)

В Пого я проводил психологические исследования с мусульманскими моджахедами, такими же, как Фархин, о роли священных ценностей в ограничениях рационального выбора.

Исследования частично основывались на результатах, полученных мной ранее из работы с палестинцами. Я раздал каждому священному воину-индонезийцу опросник. Они тут же начали совещаться по поводу того, как они должны отвечать, поэтому мне пришлось их рассадить и взять с них обещание не переговариваться. Они послушно подчинились. Кое-кто спросил: можно ли посоветоваться с их религиозными лидерами? Когда я ответил отказом, они приняли это без протестов. Если забыть о том, что эти люди были моджахедами, они вели себя как любые другие мои испытуемые.

Вопрос А: «Отказались бы вы от использования придорожных бомб, если бы это означало для вас совершение паломничества в Мекку?» Большинство ответило «да».

Вопрос В: «Отказались бы вы подорвать себя, если возможно было бы заменить это на использование придорожных бомб?» Большинство ответило «да».

Вопрос С: «Отказались бы вы подорвать себя, если для вас это означало совершение паломничества в Мекку?» Большинство ответило «нет».

С точки зрения рационального мышления, которое, как считается, лежит в основе стандартных экономических или политических умозаключений, такой набор ответов не выглядит разумным. Рациональность предполагает логическую последовательность предпочтений: если А предпочитается В, а В предпочитается С, тогда А должно предпочитаться С. Однако здесь мы видим, что А (паломничество) предпочитается В (придорожная бомба), а В предпочитается С (подорвать себя), но все же С предпочитается А.

В этой книге я еще вернусь к особенностям и последствиям такого рода «моральной логики».

Нерациональное мышление, которое я стремлюсь изучить, не только не вписывается в рамки формальной логики или аналитического мышления. Оно также взрывное и эмоциональное. Как-то спустившись вниз от Посо, мы с Фархином добрались до

бывшей площадки первого тренировочного лагеря в той местности, которую Фархин подготовил для «Джемаа Исламия». В окрестностях жили в основном балийцы. Фархин справедливо предположил, что никому в голову не придет искать лагерь воинов джихада среди балийского населения. Это была едва ли не самая мягкая и добрая нация в истории, особенно в Центральном Сулавеси, ведь им удавалось сохранять юмор и милосердие в гуще бурлящей вокруг войны. Недалеко от площадки лагеря проходила балийская свадьба. Мы смогли понаблюдать за этой красочной индуистской церемонией, элегантной и очаровательной.

Я повернулся к Фархину.

«Хелу кхтир (очень красиво и мило), — сказал я на ломаном левантинском арабском, которому научился много лет назад за время жизни с друзьями».

«Вахш! (животные!) — бросил он. — Только взгляни на их женщин. Клянусь Аллахом, если бы у меня была бомба, здесь ей и взорваться».

Я поперхнулся. В этот момент я заметил тот тяжелый пронизывающий взгляд, который уже видел у киллеров в Гватемале и который мне предстояло наблюдать в Пакистане.

«Фархин, исса нахну асадака? (мы теперь друзья?)»

«А хабиби (да, мой дорогой). — Он расплылся в улыбке, и его голос и глаза смягчились. — Миндху бада а аль-хава йяхруху мин саяра (с тех пор, как ветер покинул машину)». — На его ломаном арабском, который он подхватил в тренировочном лагере «Саддах» рядом с Хайберским проходом на завершающих стадиях советско-афганской войны, это означало «с того спущенного колеса, которое мы чинили вместе, посмеиваясь друг над другом».

«Ты бы убил меня ради джихада?» — спросил я.

«Без проблем, — ответил он, усмехнувшись, на этот раз на английском. И снова этот взгляд. — Айвах, са актрук (да, я бы убил тебя)».

Я подумал, что дошел до предела в моем стремлении понять другого и дальше мне не продвинуться. Было в Фархине что-то такое неуловимое, что отличало его от меня... хотя во многом другом мы были похожи.

«Все эти годы, после того, как вы вернулись из Афганистана, и до того, как возникла «Джемаа Исламия», как тебе удавалось оставаться частью джихада?» — спросил я.

«Мы, выпускники Афгана, никогда не переставали играть вместе в футбол, — просто объяснил он, — это были моменты единения с товарищами по лагерю, — он одарил меня лучезарной улыбкой, — ближе мы были, только когда шли на праздник, воевать с коммунистами».

«На праздник?» — Меня смущила та безразличная интонация, с которой Фархин произнес это слово.

«Праздник, выходной, так мы называли бой. Тренироваться было не так весело», — улыбнулся он.

«Весело? Фархин, ты считаешь войну веселым занятием?»

«Война за истинную цель — дело благородное, она дороже жизни. Битва вызывает сильные, очень сильные чувства».

«А футбол был тем, что держало вас вместе?» — решил еще раз уточнить я.

«Не только, но мы играли в него и оставались братьями — в Малайзии, где я работал на птицеферме [изгнанного из страны основателя «Джемаа Исламия» Абдуллы Сунгкара], а потом снова на Яве».

Может, именно в этой связи Бога и футбола от меня что-то ускользало? Может, люди убивают и умирают не просто ради цели? Они делают это ради друзей — по лагерю, по школе, по работе, по футболу, по пейнтболу — ради друзей, разделяющих цель? Может, они погибают ради мечты — о джихаде ради справедливости и славы, ради преданности семье из друзей и наставников, действующих во благо друг друга и поддерживающих друг друга, как морпехи, считающие себя одной семьей? Но помимо этого они еще и молят Бога о смерти.

И тут до меня дошло очевидное: далеко не случайно, что почти все религиозные и политические движения выражают приверженность через идиому семьи — братья и сестры, Божьи дети, отчество, родина-мать, дом родной. Практически все крупные идеологические движения, политические или религиозные, нуждаются в субординации или хотя бы в уподоблении настоящей семьи (с генетическим родством), используя это в крупных воображаемых сообществах «братьев и сестер». Действительно, полная подчиненность биологической преданности культурной во имя Ихвана, «братства» пророка, заключена в самом значении слова «ислам» — «повинование».

Но что же объединяет воображаемую родню в «братские банды», члены которых готовы умереть друг за друга, как родители готовы пожертвовать собой ради детей? Что придает благородство и священность личной жертве? Что это за цель, способная поглотить инстинкт самосохранения?

ПРИРОДА И ВОСПИТАНИЕ

В тот день я предложил Фархину и его братьям-моджахедам подумать над сценариями «обмен при рождении: могут ли дети евреев-сионистов, воспитывающиеся с рождения в мусульманских семьях, стать хорошими мусульманами и моджахедами, или же они останутся евреями-сионистами». Почти все моджахеды, лидеры и рядовые солдаты, ответили, что дети вырастут хорошими мусульманами и моджахедами. Они обычно говорили, что фитрах (природа) каждого человека одинакова и что именно социальное окружение и обучение делает человека плохим или хорошим. Вот как это объяснил мне в своем интервью в тюрьме Сипинанг в Джакарте Абу Бакар Башир, эмир (духовный лидер) «Джемаа Исламия»:

«Окружение может изменить природу (фитрах) людей.
Люди обладают врожденной предрасположенностью ве-

рить в одного истинного Бога (таухид). Если ребенок воспитывается в еврейском окружении, он станет евреем. Но если он воспитывается в мусульманской среде, он последует своей природе (фитрах). Люди рождаются с таухид, и единственная религия, которая учит и воспитывает таухид, — это ислам. Как я сказал, согласно пророку Мухаммеду, лишь одно может превратить ребенка в еврея или христианина — это его родители или окружение. Если он родился в мусульманской среде, он спасется. Его фитрах в сохранности. Если он родится в немусульманской среде, его фитрах будет разрушен и он может быть евреем или христианином. Люди имеют таухид с рождения. Однако на своем жизненном пути у них может быть откровение — стать правоверным мусульманином. И наоборот, мусульманин, который не сможет противостоять искущению дьявола, может стать вероотступником».

На тот же вопрос американские крайние расисты и члены Движения христианской идентичности чаще давали другой ответ: евреи рождаются плохими и остаются такими навсегда. Этот подход сторонников эссенциализма, которые считают природу человека биологически необратимой, лежит в основе истории расизма на Западе.

В один из дней, незадолго до начала последнего этапа наших гипотетических сценариев, Рохан Гунаратна, который возглавлял программу по исследованию терроризма в Технологическом университете в Сингапуре, получил телефонное сообщение от информатора из другого ласкара. В нем говорилось, что меня следует «ликвидировать» в тот же день после наступления темноты. Рохан помогал мне с въездом в Посо, улаживая сложности с индонезийским правительством и некоторыми командирами-моджахедами, которые периодически его «консультировали».

«Не волнуйтесь, друг мой, — сказал он, качая головой, — мы выберемся из города до захода солнца. У вас еще будет время для пары-другой интервью».

С ухмылкой, похожей на улыбку Чеширского кота, он может обнять за плечи убийцу и быть спокойным. Из Рохана мог выйти хороший политик.

Днем ранее бывший командир-моджахед по имени Аток предупредил меня: «Не поднимайтесь в Посо, наши люди стреляют в белых без предупреждения. Год назад я бы и сам вас пристрелил. Хотя убивать белых или христиан — не лучший способ защищать ислам». Я сказал, что такая перемена в его душе большое облегчение, и он криво улыбнулся. Аток был крут и безжалостен, но он определенно смягчался, рассказывая о потрясающих, просто пальчики оближешь, куриных ножках в «Кентаки фрай чикен» в Макассаре, любимой едальне главных джихадистов Сулавеси, где они обсуждали свои планы. Фархин и Рохан сошлись на том, что, если мы выдвинемся ночью и я сяду между ними на заднем сиденье, со мной все будет хорошо, и я им доверился. Думаю, один из лидеров мусульманских «благотворительных» организаций, с которым я разговаривал, не хотел, чтобы я продолжал совать свой нос куда не надо. Благотворительные организации, такие как КОМПАК или даже местный Красный Полумесяц (мусульманский эквивалент Красного Креста), достаточно серьезно вовлечены в религиозные столкновения и содержат собственные отряды.

Хотя я приехал на Сулавеси как гражданин Франции (у меня есть и американское гражданство, но моджахеды не особенно любят разговаривать с американцами сегодня), полученное сообщение давало повод предположить, что обо мне наводили справки в Google, а это значило, что мой преследователь, кем бы он ни был, знал, что я американец и что я изучаю терроризм. Google может стать настоящей неприятностью для любого, желающего провести полевые антропологические исследования. Теперь у меня было примерно 24 часа, прежде чем

какому-нибудь любопытствующему в Сети не понравится то, что он обо мне прочитает. Такой вид «ускоренной антропологии» был для меня в новинку, академически неприемлем, но и за день мне удалось узнать многое.

Я сидел на деревянных мостках ресторана, где проводил интервью, любуясь морским пейзажем пастельных тонов, из радио доносились печальные стихи Корана, а две милые девушки с глазами ланей, обрамленными чадрой, сутились с магнитофоном, выдающим ранний «Битлз». Смркалось, мой пульс учащался. Я закурил кретек с гвоздикой, чтобы успокоиться, хотя я не курильщик. Удивительно, насколько успокаивающим также может быть и заход солнца, начинаешь думать не только о проходящем дне, но и о жизни вообще. Особенно в такой приятный вечер. Мне вспомнилось, как летом 1965 года мы с бабушкой были на выступлении «Битлз» на нью-йоркском стадионе имени Уильяма Ши, и Ринго пел «Играй естественно». И затем когда в 1971 году во время лекции в Американском музее национальной истории бабушка встала и крикнула Маргарет Мид: «Отстаньте от моего внука, дайте ему стать доктором! Вы что, хотите, чтобы его зажарили каннибалы?»

Работе антрополога при сборе данных на местах присуще такое же лихачество и безрассудность, которое испытывают военные корреспонденты, или, по крайней мере, те из них, с которыми мне довелось пересечься. Большинство людей лишь делают вид, что с ними происходит нечто опасное и захватывающее. Думаю, меня с некоторыми репортерами объединяют не просто мечты о приключениях, но непреодолимое желание воплотить эти мечты в жизнь, достичь чего-то, даже если мне суждено стать лишь свидетелем того, что другие люди видеть не могут, а должны бы. Но такая работа имеет свои не очень приятные моменты.

Мой переводчик, Худа, прервал мои грезы нервным смешком, и я отвлекся от солнца, начинающего поджигать горизонт; он поведал, что обо мне расспрашивал «отставной» командир

«Ласкар Джихад», одной из первых неместных джихадистских группировок, прибывших в Посо.

«Он говорит, если христианин будет воспитываться муджахедом, то все будет хорошо, но евреи — исчадия ада и останутся евреями навсегда».

Такой ответ в Индонезии я получил впервые. Но то, что я услышал дальше, было еще круче.

«И еще он спросил, не еврей ли вы».

«Что же вы ему сказали?» — спросил я, догадываясь, каким будет ответ, и очень надеясь, что ошибаюсь.

«Я сказал, что все мы братья в этом мире, поэтому не все ли равно, еврей вы или нет?»

Командир ласкара не сводил с меня глаз, и я сказал спокойным, беззаботным тоном: «Вызываите машину немедленно, по-английски и так, будто заказываете чашку кофе». Я извинился, сделав вид, что направляюсь в туалет... и вышел через заднюю дверь. Солнце садилось, и я мысленно проклинал себя за то, что влез в такую передрягу — в который раз, и клялся, что буду сидеть дома и ухаживать за виноградником, когда подоспели Фархин и Рохан, и мы рванули прочь оттуда.

Сквозь стучащиеся сумерки мы протряслись по разбитой дороге до христианского города Тентена, подъехав к месту глубокой прекрасной ночью: плоские силуэты пейзажей, окружавших город, будоражили воображение крикамиочных птиц и засевшими в голове историями о ласкаре. По плану мне предстояло взять интервью у священника, заведующего Центральной христианской церковью Сулавеси, Риналду Даманика, батака с Суматры. Фархин много воевал и убил немало христиан, но сейчас он нарядился в рубашку с цветочным узором и надушился одеколоном, потому что... все воины джихада, в чьих венах течет горячая кровь, знают о доступности христианских девушек. Я гадал, смогут ли они почувствовать тот шлейф смерти, который вьется за Фархином, или хотя бы комичную неестественность его вида.

Преподобный Даманик был арестован после первых вспышек религиозного насилия в регионе и доставлен в Джакарту. Там его сокамерниками попеременно были Сайем Реда, один из главных организаторов Аль-Каиды, имам Самудра, признанный виновным организатор терактов на Бали в октябре 2002 года, и Абу Бакар Башир, эмир «Джемаа Исламия».

Даманик рассказал мне, как ему удалось пронести Коран Сайему Реде после того, как тюремное начальство отказалось имаму в этом. «Он поблагодарил меня и заплакал, — поделился Даманик, — на самом деле в душе он не был плохим человеком». Даманик также провел долгие часы в беседах с имамом Самудра, разделяя с ним тревогу о коррумпированности государства. Однако Даманик утверждал, «что бороться с коррупцией и нарушениями, убивая туристов и людей, не причинивших никому вреда, было чудовищно неправильно в глазах его Бога и в моих глазах. Имам Самудра сказал мне, в шутку или нет, что сожалеет о том, что мы не встретились и не поговорили до взрывов на Бали, тогда вместе мы могли бы выработать лучшую стратегию для изменения правительства».

Особенно мне хотелось узнать, как поладили между собой священник и эмир, а также услышать, что тот думает о байках, ходящих на мусульманской стороне, о батальоне купу-купу («бабочек»), состоящем из христианских женщин с оголенной грудью, которые извиваются перед мусульманскими мужчинами и соблазняют их до смерти. У меня челюсть отпала, когда преподобный Даманик как ни в чем не бывало предложил: «Хотите познакомиться с такой бабочкой?» Оказалось, что танцовщицы вдохновляют своих мужчин на войну, только вот танцуют они с прикрытой грудью. Они даже называют себя «ласкар купу-купу». Со временем мусульмане и христиане создали целый зоопарк ласкаров, отражающих страхи и фантазии: ласкар лаба-лаба (армия пауков), ласкар мангони (армия птиц), ласкар калалавер (армия летучих мышей), наводивших ужас по ночам.

Я был еще больше удивлен, когда Даманик рассказал, насколько приятно ему было общество Башира, которого он искренне уважал. Жена Башира регулярно приносила им фрукты и казалась обеспокоенной здоровьем преподобного. В интервью, взятом в тюрьме Сипинанг, Башир подтвердил, чтоуважение между ними было взаимным и сильным. Вот как он описывал дружбу, которую любой мусульманин может предложить куфар (неверным):

«Да, он посещал меня и относился ко мне с уважением. Я хочу, если Аллах позволит мне, посетить его дом. Это то, что я называю муамалах дуния, — отношения в повседневной жизни. Потому что в Коране, в восьмом стихе шестидесятой главы, говорится, что Аллах хочет, чтобы мы были добры и справедливы к людям, которые не воюют с нами в религии и не помогают тем, кто воюет с нами. Это значит, что мы можем помогать тем, кто не против нас. Мы можем сотрудничать, но также мы обязаны соблюдать нормы шариата... То есть, в общем, дело с немусульманами иметь можно. Мы можем помогать друг другу. Например, если мы заболеем и они нам помогут, тогда, если они заболеют, мы должны им помочь. Если они умирают, мы должны проводить их тела до могилы, хотя мы и не можем за них молиться».

В 1998 году Абу Бакар Башир официально ассоциировал себя с Усамой бен Ладеном (хотя он это отрицал, назвав письмо, подтверждающее этот факт и скрепленное его подписью, которое было у меня, подделкой МОССАДа и ЦРУ). В 2003 году Башир был обвинен в подготовке покушения на Мегавати Сукарнопутри, занимавшую в то время пост президента Индонезии, и в помощи организаторам теракта 2002 года на Бали. Устаз Башир (Учитель Башир), как почтительно называли его другие заключенные и тюремные власти, был признан невиновным по обоим делам. Я задал Баширу (через переводчика) те же самые

вопросы о мученической смерти и «рациональном выборе», которые я задавал будущим палестинским смертникам и моджахедам из Пого. Например: «Существует ли вероятность отмены мученической смерти, если того же самого можно достичь другими действиями, такими как использование придорожной бомбы?»

Башир был воплощением уверенного в себе человека. Он был окружен многочисленными прислужниками, включая осужденных подрывников «Джемаа Исламия»; тюремщики выказывали ему уважение и позволяли проповедовать с его высокой лежанки, как ему было угодно. Его голову покрывала маленькая белая шапочка, подбородок часто лежал на подтянутом к лицу колене, а между седой бородкой и большими очками блестела улыбка, излучающая лисью учтивость. Из тюрьмы меня выставили со словами: «Больше белых не пускаем, слишком много вас тут ходит». Два дня я проводил интервью, отправляя СМС своему переводчику, Тауфику, находящемуся внутри с диктофоном.

Вот какую притчу рассказал Башир:

«Если существуют лучшие пути добиться цели и нам не нужно жертвовать своими жизнями, мы должны избрать эти пути. Ведь наши силы могут быть направлены для достижения других целей». Объяснение, почему улема (ученный богослов) допускает это, кроется в истории пророка Мухаммеда.

Жил на свете молодой человек, который долго учился волшебству, чтобы стать одним из магов царя Фараона. В прошлом цари имели магов. У [бывшего президента Индонезии] Сухарто их было много. Когда этот маг состарился, он должен был найти себе замену. В своих поисках он встретил священника и многому от него научился.

У священника он почерпнул больше, чем у других магов; он стал нести слово людям и обрел способность возвра-

щать зрение слепым. Он исцелил многих, включая слепого министра царя Фараона.

Вновь обретя зрение, министр пообещал выполнить для мага все, что в его силах. Маг ответил, что это не он исцелил министра, это сделал Аллах. «Он мой Бог и твой повелитель. Если ты захочешь исцелиться и признаешь существование Аллаха, ты будешь исцелен». Министр вернулся в свои палаты. Царь Фараон спросил его:

«Кто исцелил тебя?»

«Имя исцелившего меня — Аллах».

«Аллах — это кто?»

«Аллах — это мой Бог».

Фараон разозлился и приказал пытать министра, и тот признался, что так сказал маг, который исцелил его. Магу было приказано отказаться от своих убеждений и оставить свое дело. Но для мага это был вопрос принципа, он не желал отказываться от своих убеждений.

Множество раз мага пытались убить. В конце концов он сказал, что если царь Фараон желает его смерти, это просто устроить. Все, что нужно Фараону, — это собрать в поле много людей, поставить в центре толпы мага и приказать людям выстрелить в него из луков. Но перед этим они все должны сказать «бисмиллях» [во имя Аллаха]. Когда стрелы вонзились в тело мага, он умер, но он достиг своей цели — нести слово ислама. Основываясь на этой истории, многие улема готовы допускать мученическую смерть, поскольку такие действия приносят множество благодеяний уммат [общинам].

В своей книге «Происхождение человека и половой отбор»⁸ Чарльз Дарвин писал:

«Грубейшие дикари обладают сознанием чувства славы... Человека, не склонного никоим образом жертвовать

своей жизнью для блага других, на такое действие может подвигнуть желание славы, своим примером он может вдохновить других людей стремиться к славе, укрепляя благородное чувство восхищения подвигами... Не следует забывать, что, хотя высокое мерило нравственности дает лишь малое преимущество (или не дает никакого) каждому отдельному человеку и его детям перед другими людьми того же племени, однако увеличение численности высокодаровитых людей и повышение уровня нравственности определенно дает огромные преимущества одному племени над другим».

Слава — это обещание принимать жизнь и отдавать ее в надежде на лучшее для определенной группы генетически связанных незнакомцев, верящих, что они входят в воображаемое сообщество под Богом (или объединенных Его современными проявлениями, такими как нация и гуманность). Готовность — по крайней мере некоторых — до конца быть преданными воображаемому делает воображаемое реальным. Для одних — сбывающейся мечтой, для других — сбывшимся кошмаром.